

ИМПЕРСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА В ВОСПРИЯТИИ РАННИХ ХРИСТИАН

Бирюков А. В. (Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», кафедра всеобщей истории)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с трансформацией взаимоотношений империи и христианской церкви в I–IV вв. н.э.

Традиционный взгляд на взаимоотношения раннехристианской церкви и государственной власти Римской империи описывает их как жесткое противостояние: категорическое неприятие и преследование властями новой религии в ответ на нежелание христиан участвовать в общегосударственном имперском культе. По мере становления самой церкви, ее институализации этот конфликт распространился также и на интеллектуальную сферу, когда апологеты и учителя церкви вступили в яростную полемику с языческой философией и общественной мыслью.

Налицо и другая тенденция: первоначально дистанцировавшись от современных ей идеологии, культуры и общественной жизни, христианская церковь затем обрела в империи жизненную нишу и научилась извлекать очевидные выгоды от возникшего в IV в. идейно-политического союза с государственной властью. Таким образом, в эпоху заката Рима уже существовал идеологический симбиоз империи и христианской церкви. Более того, позднеримское христианство приспособило для своих нужд многие положения, которые были частью государственной имперской идеологии, и продолжало их развивать даже после падения самой империи.

В эпоху Домината центральным местом в имперской идеологии являлась «идея Рима» – концепция всемирной внеисторической Римской империи. Как известно, еще с республиканской эпохи особую роль в идеологии Рима играла религия. Был обожествлен сам город Рим, что нашло отражение в культе богини Ромы. Этот культ получил широкое распространение, и «божественный Рим» как абстрактная вселенская сила почитался на всем пространстве империи. В имперскую эпоху была сакрализована и фигура императора: он стал напрямую отождествляться с Римом, его мощью и величием и почитаться в качестве гаранта непреходящего «золотого века» и вечности всей империи.

Рождающаяся христианская церковь, особенно в западных провинциях Рима, постепенно восприняла эти ключевые положения имперской идеи. По мере упадка язычества и легитимизации новой религии в эпоху Поздней империи эти идеологемы как в сознании церковных деятелей, так и в политике императоров второй половины IV в., за исключением Юлиана Отступника, теснейшим образом соотносятся именно с христианством. К концу IV в. и западная церковь, и государственная власть утвердились в мысли о неизбежности и предопределенности своего симбиоза. Можно сказать, что старая римская имперская идея обрела совершенно новое качество: появилась концепция универсальной христианской империи, где объединительная централизующая миссия Рима становится также миссией церкви, а задачи империи стали неотделимы от задач христианства.

Императоры на определенном этапе разглядели в церкви эффективную центростремительную силу, к тому же идеологически весьма приспособленную для существования в полиэтничной империи. Привилегированное положение в ряду христианских церквей заняла Римская церковь. Ее стремление к идеологическому монизму проявилось в том числе и в яростной борьбе с разнообразными ересями. К этой борьбе в IV в. стараниями западной церкви подключились императоры. Следует отметить, что привилегии римской общины подчеркивались местом ее пребывания и деятельностью ее основателя. Значение Петра как первого из апостолов и нахождение в столице (по крайней мере – формальной, стоявшей на недосягаемой идеологической вершине по сравнению даже с Константинополем, не говоря уже о временных резиденциях императоров) подчеркивали аспект бесспорного лидерства: христианская община Рима ощущала себя – и действовала – в столице мира.

Логично, что на определенном этапе сохранение империи для христианской церкви оказалось жизненно необходимым. Как уже отмечалось, в противостояние между восточными и западной церквями и в борьбе с ересями вмешалась государственная власть, и главы церквей активно прибегали к помощи императоров. К тому же, мыслившееся в качестве программы-максимум торжество христианства должно было быть вселенским, и утвердить его предполагалось в масштабах «вселенского» Римского государства. Имперским властям также стало очевидно, что с помощью римского священства можно сдерживать центробежные силы.

Возникающий союз империи и христианской церкви не мог не найти отражение в церковной идеологии III–IV вв. Примеры этого обнаруживаются в интеллектуальном наследии христианских апологетов,

учителей и «отцов» церкви. Так, еще Тертуллиан (ок. 165 – ок. 240) в разгар имперских гонений против христиан признавал, что империя как государственная машина все же необходима: «Есть у нас другая, большая нужда молиться за императоров... и за Римское государство. Мы знаем, что ... конец мира, грозящий страшными бедствиями, замедляется римскою властью... Мы молимся и за императоров, их министров и власти, ...за спокойствие государства и замедление конца мира» [Апологетик, 32, 39]. Тертуллиан доказывал лояльность христиан не к языческим обрядам, но прежде всего по отношению к императорской власти: «Но что мне более сказать об уважении и почтении христиан к императору, на которого мы должны смотреть, как на лицо, избранное нашим Богом?» [Апологетик, 32].

Епископ Иларий Пиктавийский (ок. 315–367), один из учителей церкви, также указывал, что «трон императора – от Бога» [4, р. 79] и что даже языческим императорам III века церковь должна быть по своему благодарна, поскольку погибшие в гонениях христиане превратились в мучеников, которые и после смерти своим примером и авторитетом трудятся на благо церкви [4, р. 39].

Исследователи раннехристианской литературы отмечают тот факт, что общей тенденцией в развитии церковной мысли со времени, когда император Константин I изменил отношение государства к церкви, стало прославление императора как заместителя Бога на земле, и ортодоксальная церковь много сделала для утверждения этой идеи [4, р. 23].

Нерушимый союз империи и церкви объяснялся глубокой символической связью этих двух событий. Рождение Христа и рождение империи произошли практически синхронно, и из этого факта делали важный идеологический вывод: Рождество Христово придало сакральный смысл возникшей Римской империи, а Рим для того и был основан, чтобы, покорив весь мир, сделать всемирным рождение Богочеловека [1]. Эти идеи ярче всего выразил Евсевий Кесарийский (ок. 263–340): «Один Бог властвует всеми, одна империя для обладания всеми народами. В одно и то же время по небесному изволению появились... Римская империя и христианская вера, предназначенные соединить в своих недрах весь род человеческий в вечном единении... Область распространения ее господства идет до пределов земли. Весь мир составит одну нацию, все люди соединятся в одну семью под общим скипетром» [3, с. 11].

Таким образом, церковные мыслители наделили Рим новой миссией – сплотить мир в имперском и христианском единстве, а христианство получило роль идеологии «священной» и «вселенской» Римской империи.

Литература

1. Лисовой, Н. Государство и Церковь: парадигмы Востока и Запада / Н. Лисовой // Церковный вестник. – 2004. – № 13–14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.tserkov.info/numbers/history/?ID=1062.
2. Тертуллиан. Апологетик. К Скапуле / пер. А. Ю. Братухина. – СПб. : Изд-во О. Абышко, 2005. – 256 с.
3. Три Рима / сост.: Н. Н. Лисовой, Т. А. Соколова. – М. : ОЛМА-пресс, 2001. – 463 с.
4. A Select Library of Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church. Second series. Vol. IX: St. Hilary of Poitiers, John of Damascus / ed. by Philip Schaff, Henry Wace. – New York : The Christian literature Company, 1899. – 804 p.